

Литературный сборникъ

памяти

Г. В. ПЛЕХАНОВА —

РЕВОЛЮЦИОНЕРА

«Дом Плеханова»

№ 90-1418/3сх 16 2268

Рѣчь Г. Зиновьева

(Произнесена на засѣданіи Петроградскаго Созыва 9 іюн
1918 г.).

— Товарищи, сегодня въ Петроградѣ опустили въ могилу Г. В. Плеханова, и петроградскій сознательный пролетаріатъ не могъ пойти на похороны своего бывшаго учителя. Не могъ и, на мой взглядъ, не долженъ быть пойти и не пошелъ, какъ вамъ теперь уже известно. Тяжело было намъ принять такое рѣшеніе. Нѣкоторымъ изъ насъ, въ идеиномъ отношеніи столь много обязаннымъ почившему, было особенно трудно принять это рѣшеніе. Отдѣльные изъ насъ уѣхали утромъ изъ города для того, чтобы заставить себя не пойти на эти похороны. Потому, что пойти было нельзя.

На сегодняшнемъ собраніи мы хотимъ сказать передъ представителями петроградскаго сознательного пролетаріата, чѣмъ былъ Плехановъ для рабочаго класса нашей страны и чѣмъ былъ онъ дѣя всѣго Интернаціонала.

Мы рѣзко порвали съ Плехановымъ. Мы не могли поступить иначе послѣ того, какъ въ 14-мъ году онъ объявилъ невиданную въ исторіи чудовищную бойню «справедливой войны». Всякий разъ, когда насъ обвиняютъ въ томъ, что мы такъ рѣзко порвали съ нашимъ бывшимъ учителемъ, мнѣ приходитъ на память одинъ эпизодъ изъ исторіи борьбы въ средѣ старого поколѣнія революціонной интелигентіи, въ средѣ народниковъ 70-хъ годовъ. Вы помните сцену, произшедшую въ концѣ 70-хъ годовъ на нелегальномъ съездѣ народниковъ въ Воронежѣ? Вы знаете, что въ рядахъ тогдашняго

поколѣнія революціонныхъ народниковъ началось разслоеніе, начался споръ по вопросу о роли террора и политической борьбы. Я не буду, конечно, подробно останавливаться на этомъ спорѣ, мнѣ хочется вызвать въ памяти только одну сцену, описанную многими изъ участниковъ Воронежскаго съѣзда.

Съѣздъ этотъ происходилъ нелегально; собралась маленькая кучка революціонеровъ, спаянныхъ не только общностью символа вѣры, но и тѣснѣйшей и благороднейшей дружбой, тѣснѣйшей личной связью; собралась для того, чтобы обсудить гдѣ-то за городомъ въ обстановкѣ, когда они каждую минуту могли быть схвачены полиціей,—обсудить тогдашніе больные вопросы движенія. На этомъ съѣздѣ присутствовалъ и Г. В. Плехановъ, который тогда уже намѣчалъ новую борозду въ революціонномъ движеніи.

Когда для Плеханова выяснилось, что онъ разошелся съ большинствомъ его друзей изъ тогдашняго народническаго лагеря, въ частности, съ Софіей Перовской, когда выяснилось, что дальше ити вмѣстѣ нельзя, Плехановъ всталъ и покинулъ съѣздъ. Я не знаю болѣе красочной и болѣе драматической сцены изъ жизни народниковъ, какъ эта,—когда Плехановъ упраздной походкой, при громадномъ волненіи всѣхъ присутствующихъ уходить съ этого маленькаго собранія геросвъ-революціонеровъ, и Перовская бросаетъ ему вдогонку: «Удержите этого безумца, — куда онъ уходить отъ насъ?», на что взволнованный Плехановъ отвѣтствуетъ решительно и горячо: «Нѣтъ, мнѣ съ вами не по дорогѣ, я долженъ порвать съ вами, несмотря на то, что мы были связаны тѣснѣшими узами». Плехановъ уходитъ, чтобы создавать свою группу, чтобы поднять новое знамя, которое сплотило впослѣдствіи вокругъ себя сотни тысячъ и миллионы рабочихъ.

Плехановъ умѣлъ рвать и съ былыми друзьями и единомышленниками и быть беспощаднымъ, когда этого требовали интересы революціи. И именно это сдѣлало Плеханова великимъ.

Когда сталъ великимъ Бебель? Когда онъ шелъ противъ течения и прокладывалъ новую борозду, когда въ эпоху исключитель-

ныхъ законовъ противъ соціалистовъ, онъ боролся не только противъ буржуазии своей страны и противъ своего правительства, но и противъ того крыла въ соціал-демократіи, которое тащило движение назадъ, предлагая приспособляться къ подлости. Вотъ когда Бебель сталъ дорогимъ рабочему классу и павѣки зачѣталѣся въ нашей душѣ.

И когда стала великииъ Плехановъ? Когда онъ, оставшись въ ничтожномъ меньшинствѣ среди тогдашнихъ революціонеровъ, все-таки поднялъ новое знамя, чтобы проложить новую дорогу противъ течений...

Вы знаете, что первые годы литературной дѣятельности Плеханова, расцвѣтъ его литературной дѣятельности приходятся на годы тяжкой реакціи, на годы, когда одиночки-герои народовольцы были раздавлены царизмомъ и висѣлицами былъ уставленъ путь тогдашней монархіи, когда казалось, что все задавлено въ Россіи. Плеяда героевъ революціонной интеллигенціи, казалось, была раздавлена павсегда. И вотъ въ эти-то годы тяжкой реакціи Плехановъ поднимаетъ новое знамя, Плехановъ «открываетъ» русскій рабочій классъ. Когда мы праздновали 100-лѣтіе Маркса, мнѣ пришлось процитировать фразу Розы Люксембургъ, сказанныю по адресу К. Маркса. Она сказала, что великое открытие К. Маркса заключается въ томъ, что онъ открылъ для человѣчества рабочій классъ, открылъ какъ новую историческую категорію, какъ силу, которая ведетъ человѣчество впередъ. Это глубоко вѣрно относительно Маркса. Относительно Плеханова пришлось бы перефразировать эти слова и сказать, что онъ открылъ русскій рабочій классъ. Сейчасъ даже трудно понять, что это было нѣчто въ родѣ откровенія, когда Плехановъ сказалъ, что русская революція побѣдить только какъ рабочая или не побѣдить вовсе. Сейчасъ, когда мы имѣемъ многомилліонный рабочій классъ, который въ теченіе 12 лѣтъ показалъ свою громадную историческую роль въ двухъ величайшихъ революціяхъ, сейчасъ, разумѣется, революціонная роль нашего рабочаго класса достаточно ясна.

Но 30 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда въ Россіи существовала только маленькая горсточка малокультурныхъ рабочихъ,

тогда повѣрить въ рабочій классъ и провозгласить будущую его гегемонію въ великому народномъ движении было величайшей заслугой Плеханова.

Въ одной изъ первыхъ своихъ крупныхъ работъ Плехановъ скрестилъ шпаги съ Львомъ Тихомировымъ, бывшимъ воождемъ народниковъ, который потомъ перешелъ на сторону монархіи. Памятень одинъ изъ тезисовъ въ этомъ основномъ сочиненіи Плеханова противъ Тихомирова. Тихомировъ, въ видѣ большой „уступки“ нарождавшемуся рабочему движению, сказалъ: „Да, я признаю, что теперь, когда рабочій классъ въ Россіи нарождается и растетъ съ каждымъ днемъ, я признаю, что теперь рабочій классъ становится очень важнымъ для революції“. На это Плехановъ отвѣтилъ со свойственнымъ ему блескомъ: „Нѣть, гражданинъ Тихомировъ, не въ томъ дѣло, что рабочій классъ важенъ для революції, а дѣло въ томъ, что революція важна для рабочаго класса. Вотъ въ чёмъ расходились мы съ вами“. На первый взглядъ, это чисто словесный споръ, сколастическое словопрение. На самомъ дѣлѣ, это основная линія, пролегающая между нами и тѣми народниками, которые родились и не могли не выродиться въ буржуазныхъ демократовъ и буржуазныхъ либераловъ. Что рабочій классъ важенъ „для революції“, это признаетъ всякий, это признаетъ не только буржуазная демократія, но и корниловская буржуазія. Въ тѣ мѣсяцы, когда Калединъ господствовалъ на Дону, онъ сказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей: „Кто же не понимаетъ того, что нельзя надолго удержать власть гдѣ бы то ни было, если не имѣть на своей сторонѣ хотя бы нѣкоторую часть рабочаго класса?“ Буржуазія вся признаетъ, что рабочій классъ очень важенъ „для революції“, т.-е. важенъ какъ орудіе, какъ классъ, который можно использовать въ качествѣ пушечного мяса, героизмъ котораго можно использовать для того, чтобы заставить объективно дѣлать чужое дѣло и чтобы потомъ заработать жарь его руками. Величайшее открытие Плеханова и заслуга его въ тѣ годы заключались въ томъ, что, имѣя за спиной только маленькую кучку рабочихъ-революціонеровъ, такихъ однако-
жиль, какъ Степанъ Халтуринъ, онъ тогда уже сказалъ, что дѣло

не въ томъ, что рабочій классъ очень важенъ для революціи, а суть въ томъ, что революція очень важна для рабочаго класса. Другими словами, важно, чтобы революція была не буржуазной, а послужила бы рабочему классу, важно, чтобы, опираясь на опытъ революцій другихъ странъ, нашъ рабочій классъ могъ произвести революцію, которая будетъ итти къ соціализму, которая будетъ прокладывать дорогу, действительно, рабочей Программѣ, а не программѣ, хотя бы самой „лѣвой“, буржуазно-демократической партіи.

Въ этомъ спорѣ Плеханова съ Тихомировымъ отразились два міросозерцанія. Уже тогда Плехановъ, пусть въ абстрактно-литературной формѣ, — это, вообще, была слабость Плеханова, — пусть въ чисто академической формѣ, но Плехановъ уже тогда намѣтилъ основное расхожденіе, которое отдѣляетъ нашъ рабочій классъ отъ другихъ классовъ. Мы говоримъ, что революція — для рабочаго класса, а не наоборотъ. Мы говоримъ съ 1905 года, съ момента, когда начала складываться наша партія, когда подъ руководствомъ Плеханова и Ленина было поднято знамя старой „Искры“, что рабочему классу сужено сыграть роль гегемона, вождя въ предстоящей революціи и поставить дѣло такъ, чтобы это была борьба не только за политическія реформы, за создание новаго политического строя, но чтобы это была борьба, которая приблизила бы наше къ соціализму, чтобы это была революція, которая будетъ окрашена въ рабочій цвѣтъ. Долгіе годы Плехановъ оставался вѣренъ этой идеѣ. Онъ былъ вѣренъ ей, когда боролся противъ таѣ называемаго „экономизма“, онъ черезъ многіе, многіе споры проносилъ это свое знамя, оставаясь вѣрнымъ основной идеѣ, что революція важна для рабочаго класса, что рабочій классъ долженъ быть въ ней гегемономъ, застрѣльщикомъ и вести въ ней свою классовую соціалистическую линію.

Кому не памятна, товарищи, работа Плеханова, изложенная въ формѣ бесѣды марксиста съ либераломъ? Бесѣдуя соціалъ-демократъ и либералъ въ 90-хъ годахъ, въ связи съ тогдашнимъ голо-

домъ и реакцией. Кому не памятно, какъ Плехановъ со своимъ венчаннымъ ему блескомъ изобразилъ столкновеніе этихъ двухъ программъ, какъ либералъ аргументировалъ приблизительно такъ, какъ Тихомировъ, или какъ многіе теперешніе сторонники „коалиції“, — что наша революція должна быть только буржуазнымъ переворотомъ. Въ этомъ блестящемъ діалогѣ Плехановъ отстаивалъ позицію пролетаріата въ моментъ, когда за его плечами была еще только маленькая горсточка рабочихъ.

Плехановъ лелѣялъ, растягивалъ и холилъ каждый маленький росточекъ рабочаго движенія, въ которое онъ увѣровалъ еще съ самаго начала 80-хъ годовъ.

Съ какою любовью разсказываетъ Плехановъ о первыхъ стачкахъ и о первыхъ нелегальныхъ листочкахъ въ Петроградѣ? Кто не помнить плехановскихъ „Воспоминаній о русскомъ рабочемъ“, въ которыхъ Плехановъ такъ мастерски зарисовалъ отдѣльныхъ рабочихъ, которые выдвинулись и посыпали сѣмена, давшія всходы теперь...

Плехановъ, повторяю, открылъ русскій рабочій классъ. Съ 80-хъ годовъ въ теченіе трехъ десятицѣтій онъ оставался вѣренъ своей основной идеѣ. И, товарищи, надо на минуту перенестись въ тогдашнюю атмосферу для того, чтобы оценить его заслуги. Въ этомъ залѣ есть многіе, которые жили въ эмиграціи. На мою долю тоже выпало прожить несолько лѣтъ въ эмиграціи. Но что означала наша эмиграція по сравненію съ той, которую пережили Плехановъ и Аксельродъ въ теченіе 30 лѣт! Когда мы попали за границу, мы имѣли уже свои нелегальные газеты, мы сообщались съ рабочими Россіи, мы были уже не маленькой группой,—насъ было много послѣ 1905 года. Но перепеситесь въ другую обстановку: тридцать лѣтъ тому назадъ. Маленькая группка революціонеровъ, заброшенная за границу, не видящая пока никакого просвѣта въ своей собственной странѣ, переживающая массу личныхъ лишений.

Плехановъ въ теченіе долгихъ лѣтъ голодалъ за границей. Плеханова высмѣивала тогдашняя „революціонная“ интелигенція, которая не вѣрила въ рабочій классъ. И Плехановъ великъ тѣмъ,

что именно въ это времѧ, когда рабочie еще только поднимались, когда онъ видѣлъ еще только первую ласточку, не дѣлавшую весны, что онъ уже тогда увѣровалъ въ рабочий классъ, тогда провозгласилъ будущую гегемонію рабочаго класса. Онъ сталъ великимъ тогда, когда его осыпала певавистью вся помѣщичья Россія и вся буржуазія, и всѣ такъ называемые революціонеры, которые и тогда считали себя соціалистами, а на самомъ дѣлѣ по совлекли съ себя ветхаго Адама буржуазіи и до скончанія жизни остались, въ лучшемъ случаѣ, буржуазными революціонерами.

Плехановъ имѣлъ счастье видѣть, какъ сѣмѧ, посѣянное имъ, давало богатые всходы. Къ нему въ эмиграцію въ началѣ 900-хъ годовъ явилась первая плеяда будущихъ вождей рабочаго класса, во главѣ съ Ленинымъ и тогдающимъ Мартовымъ. Они явились за границу и взялись за изданіе первой революціонной газеты, въ которой самые блестящія изъ программныхъ статей принадлежать, несомнѣнно, Плеханову.

Вы знаете, что впослѣдствіи «обновленная» меньшевистская редакція «Искры» въ первую революцію переиздала цѣлый рядъ статей изъ прежней «Искры». Но она не переиздала блестящихъ статей Плеханова, которая послужили базой для ряда тактическихъ построений подлинныхъ дѣятелей революціи. Плехановъ въ 1901 году, когда рабочее движеніе еще было страшно слабо, когда отдѣльные выстрѣлы террористовъ казались рѣшающими, когда многіе не вѣрили, что рабочее движеніе станетъ серьезнымъ факторомъ въ ближайшее время, Плехановъ тогда не уставалъ повторять одно: рабочий классъ одинъ можетъ сыграть роль гегемона въ этомъ движеніи. Въ 1901 году онъ, марксистъ, ученый, кабинетный теоретикъ—если хотите, онъ, просидѣвшій 30 лѣтъ за границей, ставилъ вопросъ обѣ уличной борѣбѣ, специально занимался военнымъ дѣломъ, печаталъ въ «Искре» статьи о томъ, что надо изучать тактику уличнаго боя, нужно учиться строить проволочные загражденія и т. д. Тогда «благоразумные» люди посмѣивались надъ Плехановымъ и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что они не похожи на этого грѣшика и мытаря, который занимается такими «пустяками», какъ

обсуждение вопроса о тактике уличного боя. А Плехановъ сталъ великъ, и его не забудеть рабочий классъ именно за то, что онъ уже въ 1901 году, за 4 года до начала первой нашей революціи (когда побѣждаетъ революція, тогда всѣ становятся революціонерами), въ годы мрачной реакціи говорилъ рабочему классу нашей страны и всего міра: надо помнить, что иначе какъ диктатурой нашей нельзя свалить буржуазный классъ, надо помнить, что основные вопросы нашей жизни не решаются иначе, какъ съ оружиемъ въ рукахъ, надо учиться, какъ проводить тактику уличного боя. Тогдашніе соглашатели обрушивались на Плеханова, высмѣивали его за это, а мы и сейчасъ чтимъ его какъ разъ за то, что въ эти тяжкие годы онъставилъ основные вопросы рабочей революціи.

И къ какой бы темѣ Плехановъ ни прикасался, хотя бы чисто литературной—большинство знаетъ его работы, посвященные народникамъ-беллетристамъ, большинство знаетъ работы, посвященные такому художнику, который имѣеть мало отношенія къ нашей революціи, какъ Ибсенъ,—но Плехановъ не могъ писать ни о Некрасовѣ, ни объ Успенскомъ, ни о Шелгуновѣ, ни о Великой Французской революціи, чтобы всюду и вездѣ не провести въ той или иной формѣ основную мысль: что русская революція не побѣдить иначе, какъ рабочая революція.

Въ 1889 году Плехановъ впервые бросилъ эту фразу на международномъ конгрессѣ въ Парижѣ. Весь международный конгрессъ пожималъ плечами. Вожди европейского соціализма ужѣ чтили Плеханова, видѣли, что это восходящая звѣда, что это одинъ изъ блестящихъ теоретиковъ соціализма, но они все-таки пожимали плечами: развѣ возможно, чтобы въ Россіи могла побѣдить рабочая революція, можно ли сказать относительно отсталой Россіи, что революція восторжествуетъ здѣсь, какъ рабочая революція. Блестящая дѣятельность народовольцевъ плѣнила умы и воображеніе тогдашней интеллигенціи. Даже некоторые марксисты склонны были думать, что только такой борьбой можно разрѣшить въ ближайшее время политический кризисъ въ Россіи. Когда Плехановъ въ 1889 году

Бросилъ свою основную мысль—надо было глубочайше вѣрить въ будущее, быть величайшимъ оптимистомъ на счетъ будущаго развитія рабочаго класса, чтобы это говорить. И въ теченіе двухъ десятилѣтій Плехановъ оставался вѣрень этой своей идеи.

Когда началась борьба съ меньшевизмомъ въ 1903 году, она велась, въ сущности, по этой же линіи. Кто хочетъ понять суть этого спора, тотъ долженъ отбросить мелкое, наносное, личное, тотъ долженъ взять основное. И тотъ скажетъ, что основное расхожденіе наше съ правымъ лагеремъ это то же самое расхожденіе, которое было у Плеханова съ Львомъ Тихомировымъ, со всѣмъ тѣмъ лагеремъ, съ которымъ онъ блестяще скрещивалъ свою шпагу въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій...

Такъ вотъ что мы читимъ въ Плехановѣ, товарищи. Какъ бы ни были велики грѣхи Плеханова въ послѣдніе годы, но то, что онъ сдѣлалъ въ указанной области, останется незабвеннымъ. То, что онъ сдѣлалъ въ борьбѣ противъ идейнаго ревизіонизма во всѣхъ областяхъ, тоже останется незабвеннымъ. А онъ въ этой области сдѣлалъ многое больше, чѣмъ любой изъ теоретиковъ марксизма послѣ смерти Энгельса. Вы знаете дѣятельность Каутского до 1909/10 гг. Онъ считался однимъ изъ величайшихъ теоретиковъ марксизма нашего времени, но, на мой взглядъ, Плехановъ цѣлой головой и въ этой области выше самого крупнаго теоретического представителя марксизма послѣ смерти Фридриха Энгельса...

Молодой Плехановъ имѣлъ счастье видѣть Энгельса. Онъ имѣлъ нѣсколько писемъ отъ Энгельса, которыхъ онъ не опубликовалъ до сихъ поръ. Когда началась борьба большевизма съ меньшевизмомъ и стоялъ вопросъ о роли крестьянства въ Россіи, мы Плеханова частенько спрашивали: а нѣтъ ли чего-нибудь въ письмахъ Энгельса на этотъ счетъ? Плехановъ улыбался и писемъ не опубликовывалъ. Въ нашей средѣ высказывалось предположеніе,—я считаю его очень вѣроятнымъ,—что въ письмахъ Энгельса къ Плеханову содержится что-нибудь такое, что можетъ подкрѣпить позицію большевиковъ, его противниковъ въ вопросѣ о роли крестьянства. Пле-

хановъ не опубликовывалъ этихъ писемъ, вѣроятно, вполнѣ добровольно считая, что онъ отдаетъ этимъ дань марксизму. Плехановъ имѣлъ нѣкоторыя литературныя слабости. Вы знаете его работу о Чернышевскомъ. Это одна изъ блестящихъ работъ, которая мы должны издать для широкаго распространенія въ народныхъ массахъ. Онъ напечаталъ ее первоначально въ видѣ статей въ нелегальномъ сборникеъ „Соціалъ-демократъ“. Это блестящій шедевръ литературной критики. Въ статьяхъ онъ особенно вынулю подчеркнулъ самыя сильныя стороны Чернышевскаго. А самая сильная сторона Н. Г. Чернышевскаго заключалась въ томъ, что онъ былъ полибераломъ, что онъ старался провести самую рѣзкую черту между революціонной демократіей и либерализмомъ. Либерализму онъ наносилъ самые сильные удары, какіе только можно было нанести ему. И Плехановъ въ первой работе о Чернышевскомъ, до тѣхъ поръ, пока у насъ начался споръ большевиковъ съ меньшевиками, отѣнялъ именно эти самыя сильныя стороны Чернышевскаго. А когда Плехановъ сталъ переиздавать отдѣльной книгой статьи о Чернышевскомъ, послѣ нашего спора съ нимъ, онъ какъ разъ вычеркнулъ всѣ тѣ мѣста, которыя рисовали намъ Чернышевскаго, какъ блестящаго борца противъ либераловъ, какъ человѣка, который прокладывалъ борозду противъ либераловъ, который старался подѣлить Россію на три лагеря: съ одной стороны, деспотизмъ, черносотенцы, помѣщики, съ другой стороны—рабочій классъ, крестьянство, и по серединѣ—либералы. Такія литературныя слабости у Плеханова были, и мы не должны ихъ прощать Плеханову. Мы должны отмѣтить ихъ, какъ и онъ никогда не прощалъ своимъ противникамъ даже въ мелочахъ. Но то, что Плехановъ сдѣлалъ въ области литературной критики, остается незабвеннымъ.

И болѣе того. Въ вопросѣ объ интернаціонализмѣ, въ томъ вопросѣ, который сейчасъ стоитъ на очереди, Плехановъ также имѣть громадныя незабвенные заслуги. Когда въ 1889 году впервые на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ ставился вопросъ о всеобщей стачкѣ противъ войны, Плехановъ принадлежалъ къ числу самыхъ рѣзкихъ и опредѣленныхъ, выражаясь современнымъ стилемъ,

пораженцевъ". Вы помните его фразу, которую цитировали въ рядѣ работъ, когда онъ, обращаясь къ пѣмцамъ, къ тогдашнимъ пѣицкимъ соціаль-демократамъ, говорилъ: «Поскорѣе приходите въ Россію. Ваши солдаты будутъ желанными гостями здѣсь. Притягивайте на скамью подсудимыхъ царизмъ, разбейте его на голову. Пораженіемъ Россіи вы сможете спасти Россію, вы скинете гнѣтъ абсолютизма!» Условія были другія, обстановка была другая, но для Плеханова было ясно, что не можетъ служить критеріемъ англійская пословица: право или не право мое отечество,— я защищаю его потому, что оно мое. Бываетъ такое положеніе, при которомъ вторженіе иностранного завоевателя можетъ повести эту страну впередь. И Плехановъ во время русско-японской войны выступалъ также „пораженцемъ!.. Вы помните незабвенную сцену, когда онъ на Амстердамскомъ конгрессѣ во время русско-японской войны пожималъ руку японскому соціалисту Катаяма. Вы помните статьи Плеханова даже въ тогдашней «Испрѣ», въ которыхъ онъ проповѣдывалъ пораженіе царской Россіи. Тогдашняя обстановка была другая, конечно, но вопросъ, объ интернационалистскомъ методѣ стоялъ такимъ же образомъ, какъ и сейчасъ. И Плехановъ понималъ, что бываютъ положенія, при которыхъ нельзя руководствоваться тѣмъ, что такъ какъ это мое отечество, то я и долженъ поддерживать правительство своей страны.

Въ 1905 году, послѣ того, какъ Плехановъ разошелся съ нами, послѣ того, какъ онъ оторвался отъ рабочаго движенія, послѣ того, какъ онъ осудилъ великое восстаніе рабочихъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1905 года, осудилъ шаблонной, мѣщанской, бездушной фразой: „не надо было браться за оружіе!”, — Плехановъ опять поднялся. И когда одна изъ французскихъ газетъ сдѣлала анкету по вопросу объ отношеніи соціалистовъ къ отечеству и специально объ основномъ тезисѣ Коммунистического Манифеста, что „рабочіе не имѣютъ отечества“, Плехановъ былъ однимъ изъ немногихъ европейскихъ соціалистовъ, который сказалъ: да, эта фраза, брошенная Марксомъ и Энгельсомъ 60 лѣтъ тому назадъ, остается въ силѣ. Пролетарій не имѣть отечества. Нѣкоторые изъ учениковъ Маркса, такой человѣкъ, напримѣръ, какъ Бебель, который начинавъ уже тогда пово-

ачивать направо, и многие другие пытались истолковать эту фразу в томъ смыслѣ, что да, Марксъ и Энгельсъ были правы въ 48 году; тогда, дѣйствительно, пролетариатъ не имѣлъ отечества, ибо онъ не имѣлъ всеобщаго избирательнаго права, жилъ изгоемъ, не имѣлъ никакихъ правъ. Такъ разъяснялъ Маркса Бебель, не говоря уже о Жоресѣ. Сейчасъ, когда пролетариатъ завоевалъ всеобщее избирательное право, когда пролетариатъ имѣеть громадныя организаціи, когда ему есть что терять, кромѣ своихъ цѣлей, сейчасъ фраза Маркса и Энгельса, дескать, устарѣла. Такова была основная постановка вопроса всѣми корифеями второго Интернаціонала. И Плехановъ, даже въ 1905 году, послѣ того, какъ онъ разошелся съ русскимъ рабочимъ классомъ, сказалъ: нѣтъ, теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, вѣрны слова Маркса и Энгельса, что пролетарій не имѣеть отечества. Жоресъ въ отвѣтъ на упомянутую анкету сказалъ, что эти слова Маркса и Энгельса, что пролетариатъ не имѣеть отечества, это просто „пессимистическая бутада“, т.-е. это просто горькое словцо, сорвавшееся въ пылу раздраженія противъ буржуазіи.

Плехановъ, напротивъ, въ 1905 году заявилъ, что это именно рѣне полемическая фраза, а святая истина, что пролетариатъ не имѣеть отечества, что онъ получить отечество только тогда, когда онъ завоюетъ соціализмъ.

Когда въ 90-хъ годахъ ревизіонистами былъ поднятъ вопросъ „о пересмотрѣ“ программы марксизма, когда Бернштейна подымали па щить и обѣяляли пророкомъ новаго теченія, Плехановъ первый сказалъ: съ чѣмъ вы носитесь?—съ какой-то „дрянной книжонкой“! И Плехановъ былъ тысячу разъ правъ. Бернштейновское евангелие ревизіонизма было дрянной книжонкой, это бернштейніапство положило основу всякаго рода соглашательству, шейдемановщизѣ. Плехановъ первый поднялся противъ этого, въ то время, какъ Каутскій колебался. Каутскій выжидалъ, а Плехановъ первый поднялъ брошенную перчатку, Плехановъ первый выяснилъ превосходство марксизма надъ ревизіонизмомъ. Поэтому онъ имѣеть громадный заслуги не только передъ нами, но и передъ всѣмъ Интернаціоналомъ

На голландскомъ конгрессѣ Плехановъ скрестилъ свою шпагу съ представителями соціал-націонализма, какъ представитель интернационализма. Это была его послѣдняя, лебединая пѣснь, какъ интернационалиста. Это было въ годъ, когда мы вмѣстѣ боролись противъ меньшевиковъ-ликвидаторовъ и вмѣстѣ съ Плехановымъ издавали здѣсь, въ Петроградѣ, „Звѣзду“ и „Мысль“. На копенгагенскомъ конгрессѣ обсуждался расколъ между австрійскимъ и чешскимъ рабочимъ движениемъ. Въ Австріи все окрашивается въ национальный цветъ, въ томъ числѣ и оппортунизмъ. Тамъ расколъ произошелъ по линіи національной. Чешскіе оппортунисты, чешскіе соглашатели попытались расколоть все рабочее движение, въ томъ числѣ професіональные союзы по принципу національному. Если ты—чехъ, ты обязательно долженъ идти въ чешской професіональный союзъ, если полякъ—въпольской союзъ, если немецъ—въ немецкий, и т. д., хотя бы ты и работалъ въ одной мастерской, за однимъ станкомъ съ рабочими, говорящими на другомъ языке. Когда вынесли этотъ вопросъ на международный конгрессъ, споръ былъ поставленъ въ широкомъ масштабѣ. Плехановъ выступилъ тогда отъ имени всего нашего марксистского крыла. Это была, говорю я, его лебединая пѣснь, какъ вождя интернационалистского движения во всемъ мірѣ.

Въ теченіе долгихъ и долгихъ лѣтъ покойный Плехановъ былъ самымъ выдающимся представителемъ воинствующаго, какъ любилъ выражаться самъ Плехановъ, марксизма. Плехановъ послѣ самихъ Маркса и Энгельса былъ—безъ всякихъ преувеличеній—первымъ, самымъ яркимъ, самымъ образованнымъ и талантливымъ представителемъ идей марксизма во всемъ Интернационалѣ...

Товарищи, сегодня, когда здѣсь, въ Петроградѣ, опустили въ могилу тѣло Плеханова и когда многие изъ насть переживаютъ трагедію отъ того, что похороны фатально должны были протекать въ такой обстановкѣ,—стадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что эта трагедія не только личная трагедія Плеханова, но трагедія цѣлой плэяды представителей второго Интернационала. И намъ особенно больно

отъ того, что на нашихъ глазахъ сходить въ могилу лучшіе представители второго Интернаціонала, а остается сорная трава, остаются жалкіе Шейдеманны всѣхъ языковъ и всѣхъ странъ. То, что дѣйствительно было великаго, цѣннаго во второмъ Интернаціоналѣ, сошло въ могилу на нашихъ глазахъ въ теченіе этой войны. Вспомните имена Жореса, Вальяна, Кейръ-Гарди, теперь—Плеханова. Мы чувствуемъ, что обрываются послѣднія ниточки, которыя связывали насъ съ прошлымъ. Тутъ цѣлая трагедія поколѣвія борцовъ, которые имѣютъ величайшія заслуги въ прошломъ и которые пережили на закатѣ своихъ дней величайшую трагедію, заключающуюся въ томъ, что они не сумѣли найти нога въ ногу съ поступательнымъ движениемъ рабочаго класса, что они не смогли понять, что соціализмъ пришелъ, что соціалистическая революція, о которой писали, что когда-нибудь, черезъ 10—50—100 лѣтъ, она наступить, что это будетъ желанный моментъ, и все это произойдетъ безбѣзпечно и мы будемъ ити отъ побѣды къ побѣдѣ,— они не смогли понять, что теперь на нашихъ глазахъ рождается этотъ соціализмъ, что соціалистическая революція не только грядетъ, но она уже грянула, что мы находимся въ горилѣ ея, въ сущности, уже со времени первой Балканской войны.

Эта величайшая трагедія цѣлой плеяды корифеевъ второго Интернаціонала заключалась въ томъ, что они въ теченіе 30 лѣтъ, проживъ въ другой эпохѣ, въ другой обстановкѣ, они настолько съ ней срослись, что не могли въ решающую минуту оказаться на своихъ постахъ,—въ этой борьбѣ, где все решается съ оружиемъ въ рукахъ, средины нѣть, и кто не съ нами, тотъ неизбѣжно долженъ былъ оказаться противъ насъ. Въ особенности, если рѣчь идеть о такихъ цѣльныхъ натурахъ, какъ Плехановъ, который не умѣлъ сидѣть между двухъ стульевъ. Это цѣлая трагедія для плеяды борцовъ, начиная отъ Бебеля, который умѣръ до начала войны. На Бебеля и Жореса мы не могли наблюдать такъ ярко этой трагической эволюціи. Но возьмите старика Виктора Адлера. Всѣ мы знаемъ, что этотъ человѣкъ искренно преданъ рабочему классу, и вмѣсть съ тѣмъ, онъ объективно является сейчасъ пѣшкой въ рукахъ

Габсбургской монархії, тронъ которой такъ же залить кровью, какъ и тронъ Романовыхъ.

Середины пѣтъ. Кто подалъ палецъ имперіализму, у того имперіализмъ неизбѣжно возьметъ и всю руку. Вотъ почему трагедія Плеханова есть, повторяю, трагедія лучшихъ представителей второго Интернаціонала. Съ его смертью сходитъ въ могилу одинъ изъ корифеевъ второго Интернаціонала. Плакать по этому поводу бесполезно. Да, у насъ связано со вторымъ Интернаціоналомъ много хорошаго, онъ имѣеть за собой много заслугъ въ дѣлѣ просвѣщенія, въ дѣлѣ организаціи рабочаго класса, съ его именемъ связана цѣлая полоса въ исторіи мірового рабочаго класса, которую никто не вычеркнетъ. Но второй Интернаціоналъ все-таки—прошлое, онъ умираетъ на нашихъ глазахъ.

Вотъ въ чемъ заключается величайшая трагедія Плеханова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это есть трагедія цѣлой плеяды, цѣлаго поколѣнія мирныхъ соціалистовъ - просвѣтителей, которые въ теченіе цѣлаго періода вели борьбу за революцію съ первомъ въ руки, а, когда пришлось вести борьбу съ оружиемъ въ рукахъ, они оказались не на своихъ мѣстахъ и тѣмъ самыми оказались противъ рабочаго класса.

Тѣмъ не менѣе, нашъ рабочій классъ никогда не забудеть заслугъ Георгія Валентиновича Плеханова, какъ никогда французскій рабочій классъ не забудеть величайшихъ заслугъ стараго коммунара Эдуарда Вальяна, который на склонѣ своихъ лѣтъ принесъ величайший вредъ какъ французскому рабочему классу, такъ и Интернаціоналу тѣмъ, что разжигалъ шовинизмъ во Франціи со всей силой своей страсти.

Такія же заслуги имѣеть и Плехановъ, и мы никогда ихъ не забудемъ. Уже и сейчасъ, когда мы находимся въ періодѣ самой острой борьбы, когда мы не можемъ идти ни на какія уступки даже мертвѣцамъ, въ этотъ моментъ, когда изъ Плеханова сдѣлали орудіе борьбы противъ наст., когда контроль-революціонная „Рѣчь“ имѣла право послать на гробъ Плеханова вѣно съ надписью: „честному сыну отечества“, — уже и въ этотъ моментъ мы все же имѣемъ до-

статочно обективисса, чтобы сказать: да, Плехановъ напечь въ послѣднее время рабочему классу великий вѣдѣт, но у него есть и величайшія, незабвенные заслуги, которыхъ никогда никто не вычеркнетъ и которыхъ будемъ чтить только мы.

Подлинныя заслуги Плеханова, какъ великаго революціонера, какъ великаго провозвѣстника международной революціи, не могутъ быть сегодня подчеркнуты тѣми, кто его хоронитъ. Здѣсь, и только здѣсь, на нашемъ рабочемъ собраніи, могутъ быть отмѣчены слѣды его великой, дѣйствительно революціонной работы.

На нашихъ глазахъ умираетъ цѣлое поколѣніе старыхъ соціалистовъ, но на нашихъ же глазахъ изрождается и третій Интернационалъ. И, я убѣжденъ, что этотъ третій Интернационалъ скоро станетъ самымъ могущественнымъ факторомъ исторіи. Мы вѣримъ, мы горячо вѣримъ, что этотъ третій Интернационалъ приведетъ наше къ полной побѣдѣ соціализма не только въ нашей странѣ, но и во всемъ мірѣ.